

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
19 December 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам ребенка

Решение, принятое Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 94/2019* ** ***

<i>Сообщение представлено:</i>	С. Ф. (адвокатом не представлена)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	У. У. и С. У.
<i>Государство-участник:</i>	Ирландия
<i>Дата сообщения:</i>	16 августа 2019 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия решения:</i>	12 сентября 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	возвращение дочерей автора в Канаду в соответствии с Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей
<i>Процедурные вопросы:</i>	неисчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточное обоснование утверждений; злоупотребление правом на представление сообщений; представление этого же дела для рассмотрения в рамках другой процедуры международного урегулирования; разглашение информации
<i>Статьи Конвенции:</i>	3, 9, 12, 16 и 27
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	пункт 2 статьи 4, статья 6, пункты d) и e) статьи 7

* Принято Комитетом на его девяносто первой сессии (29 августа — 23 сентября 2022 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Сюзанна Ао, Айссату Аласане Мулайе, Хинд Аюби Идрисси, Ринчен Чопхел, Браги Гудбрандссон, Филип Жаффе, Сопио Киладзе, Гехад Мади, Фейт Маршалл-Харрис, Бэньям Дэвыг Мэзмур, Кларенс Нелсон, Отани Микико, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Хосе Анхель Родригес Рейес, Энн Скелтон, Велина Тодорова, Бенуа Ван Кейрсбилк и Рату Зара.

*** Совместное (несогласное) мнение членов Комитета Хинд Аюби Идрисси, Хосе Анхеля Родригеса Рейеса и Луиса Эрнесто Педернеры Рейны приводится в приложении к настоящему решению.

1.1 Автор сообщения является С. Ф., гражданка Канады и Ирландии, родившаяся 23 июля 1985 года. Она представляет сообщение от имени двух своих дочерей, У. У. и С. У., гражданок Канады, родившихся 29 мая 2015 года и 15 сентября 2017 года соответственно. Автор утверждает, что были нарушены права ее дочерей, закрепленные в статьях 3, 9, 12, 16 и 27 Конвенции. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 24 декабря 2014 года. Автор не представлена адвокатом.

1.2 В соответствии со статьей 6 Факультативного протокола 20 августа 2019 года Рабочая группа по сообщениям, действуя от имени Комитета, просила государство-участник принять временные меры для отсрочки возвращения У. У. и С. У. в Канаду на время рассмотрения сообщения Комитетом. 23 августа 2019 года автор проинформировала Комитет о том, что дети были изъяты властями и могут быть возвращены в Канаду, несмотря на рекомендованные временные меры. 2 сентября 2019 года автор сообщила Комитету, что ей не удается установить местонахождение детей. 4 сентября 2019 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что оно тщательно и добросовестно рассмотрело его просьбу о принятии временных мер. Однако в данном конкретном случае государство-участник не смогло выполнить просьбу, поскольку это вступило бы в противоречие с судебным разбирательством по Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. 17 мая 2021 года Комитет отклонил просьбу государства-участника о рассмотрении вопроса о приемлемости сообщения отдельно от его существа.

Факты в изложении автора

2.1 В 2009 году автор переехала из Ирландии в Британскую Колумбию, Канада, где познакомилась с будущим отцом двух своих дочерей, гражданином Канады, и вышла за него замуж. 23 ноября 2018 года в отношениях пары произошел необратимый разлад. Несмотря на то что у автора нет других родственников в Канаде, ее муж отказался съезжать из их семейного дома. Он стал чаще проявлять психологическое насилие и становился все более деспотичным. Автор не имела собственного дохода, а ее муж отказался оказывать детям какую-либо финансовую поддержку. На момент бракоразводного процесса и разбирательства по вопросу об опеке она была самозанятой. Вскоре у нее начались проблемы со здоровьем, и она не могла продолжать работать. В то время она все еще кормила грудью свою младшую дочь. Автор утверждает, что она уже длительное время страдает от депрессии, тревожности, панических атак и суицидальных мыслей. До развода автор принимала лекарства для поддержания своего психического здоровья.

2.2 В декабре 2018 года родственники автора оплатили ей и ее детям поездку в Ирландию. Они вернулись в Канаду 31 декабря 2018 года, как и было запланировано. Автор пыталась получить охранный ордер для защиты от своего мужа. Она утверждает, что, поскольку в Британской Колумбии бесплатная юридическая помощь предоставляется лишь в объеме ограниченного количества часов, то никакой юридической помощи ей получить не удалось. Когда ее муж узнал о том, что она подала заявление на получение охранный ордера, он добился вынесения Верховным судом Британской Колумбии постановления, запрещающего ей вывозить детей за пределы юрисдикции без его прямого согласия или дополнительного постановления суда. На этом фоне обстановка дома ухудшилась. Из-за конфликта родителей старшая дочь автора начала видеть ночные кошмары. 21 февраля 2019 года автор попыталась получить охранный ордер, но вновь безуспешно, поскольку подала заявление не в тот суд. Она не была представлена адвокатом.

2.3 Когда 22 февраля 2019 года автор собралась поехать с детьми в недалекую поездку, ее муж напал на нее прямо в их присутствии, решив, что она уезжает насовсем. Он был арестован и выпущен под залог с предписанием «не вступать в контакт» с ней и детьми. Впоследствии полиция предупредила ее, что ему, вероятно, не будут предъявлены обвинения из-за отсутствия свидетелей и будет разрешено вернуться домой. Из-за отсутствия доступа к юридической помощи автор не смогла обратиться за консультацией. Она еще не отошла от стресса после нападения, у нее не было денег, и она опасалась за свое психическое здоровье. Вопреки судебному

постановлению, полученному ее мужем, 25 февраля 2019 года автор вместе с детьми выехала из Канады в Ирландию, чтобы получить убежище и поддержку в своей семье, обеспечить детям эмоционально стабильную обстановку и более не зависеть от своего предположительно жестокого мужа. По прибытии в Ирландию она обратилась за медицинской помощью, и ей были выписаны лекарства.

2.4 4 марта 2019 года ее муж подал иск в Верховный суд Британской Колумбии, и суд назначил его единственным опекуном обоих детей, а также распорядился об их немедленном возвращении в Британскую Колумбию, где они обычно проживали до их незаконного перемещения.

Судебное разбирательство в Ирландии в соответствии с Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей

2.5 15 марта 2019 года муж автора подал иск в Высокий суд Ирландии на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, и ему была предоставлена юридическая помощь. Автор утверждала, что возвращение детей в Канаду создаст серьезный риск того, что дети будут помещены в невыносимые условия, ссылаясь на пункт b) статьи 13 данной Конвенции. В этой связи она, в частности, заявила, что их отец не имеет возможности должным образом заботиться о детях на ежедневной основе и к тому же не способен воздерживаться от употребления алкоголя и наркотиков. Кроме того, она заявила, что у нее нет дохода и она не получала достаточной финансовой поддержки, что у нее нет адвоката и она не сможет позволить себе частного адвоката в Канаде, что в случае возвращения в Канаду дети подвергнутся серьезному риску психологического и физического вреда, а у нее не будет ни жилья, ни денег, ей будет грозить уголовное преследование и при этом она не будет иметь права на социальную поддержку. 24 мая 2019 года суд постановил, что автор подвергла двоих детей незаконному перемещению, и заключил, что она не доказала, что возвращение детей в Канаду создаст для них серьезный риск. Суд отметил также, что юридическая помощь в Канаде была ей оказана, но она исчерпала установленный лимит в 45 часов.

2.6 Автор подала апелляцию в Апелляционный суд Ирландии, но 30 июля 2019 года она была отклонена. Суд обратил внимание на то, что Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей касается только международного положения детей и не требует оценки долгосрочных наилучших интересов и благополучия детей. Он отметил, что отцу было присуждено право исключительной опеки над детьми, что до их перемещения они постоянно проживали в Канаде и что перемещение было осуществлено в нарушение постановлений Верховного суда Британской Колумбии. Суд отклонил утверждение автора о том, что отец детей не осуществлял свои права на опекуновство на момент перемещения детей, указав, что он принимал активное участие в судебных разбирательствах в отношении детей в канадском суде, что само по себе равносильно осуществлению прав на опекуновство. Кроме того, суд счел лишненным оснований ее утверждение о том, что отсутствие удовлетворительной гражданско-правовой помощи в Канаде нарушит ее право, вытекающее из основополагающих принципов Конституции. Более того, порог для установления наличия серьезного риска для детей является высоким, и этот вопрос не должен рассматриваться исключительно с точки зрения общих соображений первостепенности благополучия ребенка. Что касается ссылки автора на пункт 1 статьи 7 и пункт 1 статьи 9 Конвенции о правах ребенка, то суд постановил, что эти статьи в равной степени применимы в пользу отца и что соответствующие вопросы будут решаться в ходе текущего внутреннего судебного разбирательства в Канаде. Пункт 2 статьи 10, статья 11 и пункт 1 статьи 18 Конвенции согласуются с положениями Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей в том, что они направлены на защиту и отстаивание прав ребенка на поддержание отношений с обоими родителями и предусматривают, что решения, касающиеся его благополучия, должны приниматься в рамках наиболее подходящего судебного органа. Суд постановил, что возвращение детей в Канаду должно состояться 21 августа 2019 года.

2.7 В неуказанную дату Апелляционный суд отказал в отсрочке исполнения постановления о возвращении для его обжалования в Верховный суд. 2 августа 2019 года ходатайство автора о предоставлении ей бесплатной юридической помощи было отклонено. Автор утверждает, что промежуток времени между отказом в бесплатной юридической помощи и датой возвращения детей (21 августа 2019 года) не был разумным и справедливым сроком для дальнейших апелляций, в частности из-за ее «недееспособности по причине слабого здоровья» и из-за того, что она не была представлена адвокатом. Кроме того, в канцелярии Верховного суда ей сообщили, что рассмотрение заявлений может занять несколько месяцев и что в летний период суды закрыты. Даже если бы разрешение на подачу апелляции было предоставлено, нарушение ее психического здоровья не позволило бы ей подготовить и подать апелляцию в Верховный суд. Автор добавляет, что прецедентное решение Верховного суда, связанное с делом об имуществе, по-видимому, было использовано Апелляционным судом для того, чтобы помешать ей получить новые медицинские доказательства, которые были одним из ключевых элементов ее дела¹.

2.8 23 августа 2019 года Высокий суд вынес решение, предписывающее автору выполнить решение предыдущего суда о возвращении детей в Канаду. 24 августа 2019 года дети были возвращены в Канаду в сопровождении отца.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что государство-участник нарушило права ее дочерей, закрепленные в статьях 3, 9, 12, 16 и 27 Конвенции, вернув их в Канаду². Она утверждает, что возвращение подвергло ее риску опасного ухудшения ее психического здоровья и что это может иметь серьезные последствия для детей.

3.2 Автор заявляет также, что ни Высокий суд, ни Апелляционный суд не оценили наилучшие интересы детей и что ими не было проведено подробного изучения текущих обстоятельств детей. Суды не проводили расследований и не получали никаких профессиональных заключений о положении детей. Она отмечает, что решение суда было принято с полным признанием того, что отец детей не оказывает им никакой финансовой поддержки. В решении не рассматривался ни тот факт, что его работа будет отрывать его от дома на длительные периоды времени, ни то, каким образом будет осуществляться уход за детьми в эти периоды.

3.3 Автор утверждает также, что ирландские суды не смогли должным образом оценить ее психическое заболевание. Суды не проводили никакого расследования и не получали никаких профессиональных заключений относительно ее психического здоровья, и к делу не было приобщено никаких дополнительных медицинских доказательств после ложного вывода Апелляционного суда о том, что они были новыми.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В своих замечаниях от 25 октября 2019 года государство-участник заявило, что сообщение следует признать неприемлемым согласно пунктам c), d), e) и f) статьи 7 Факультативного протокола.

4.2 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом c) статьи 7 Факультативного протокола, поскольку автор добивается лишь переоценки фактов, на которых были основаны решения Высокого суда и Апелляционного суда. Кроме того, автор, по сути, жалуется на предполагаемое нарушение ее прав, которое Конвенцией не охватывается.

4.3 Государство-участник утверждает также, что сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом d) статьи 7 Факультативного протокола, поскольку 6 августа 2019 года автор обратилась в Европейский суд по правам человека

¹ Никакой дополнительной информации представлено не было.

² Автор заявила о нарушении статьи 12 Конвенции, прямо не назвав эту статью, на более позднем этапе процедуры.

с ходатайством о принятии временных мер; 16 августа 2019 года это ходатайство было отклонено на основании оценки суда, согласно которой автор не продемонстрировала, что в случае возвращения в Канаду детям будет нанесен непоправимый вред. Решение суда достаточно конкретно показывает, на каком основании он рассматривал заявление о принятии временных мер.

4.4 Государство-участник утверждает далее, что сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом e) статьи 7 Факультативного протокола, поскольку автор не обратилась в Верховный суд с ходатайством о предоставлении разрешения на апелляцию. Если бы Верховный суд дал соответствующее разрешение, то автор могла бы обратиться в этот суд с ходатайством об отсрочке исполнения постановления о возвращении ее детей, которое, по всей вероятности, было бы удовлетворено на основании практики Верховного суда по подобным делам. Принимая к сведению аргумент автора о том, что одной из причин, по которым она не подала ходатайство, было то, что она считала прецедент этого суда не в свою пользу, государство-участник утверждает, что у нее было достаточно времени для подачи заявления о предоставлении разрешения на подачу апелляции в Верховный суд до даты, на которую было запланировано возвращение детей в Канаду, и что Верховный суд вынес бы решение до даты возвращения.

4.5 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом f) статьи 7 Факультативного протокола, поскольку заявления автора являются явно беспочвенными и/или недостаточно обоснованными. Автор не представила конкретных утверждений. Автор подает несколько жалоб, связанных с ее слабым здоровьем, но анализ решений Высокого суда и Апелляционного суда (судов высшей инстанции) ясно показывает, что они подробно рассмотрели вопрос под этим конкретным заголовком и оценили доказательства, которые она представила в своих письменных свидетельских показаниях под присягой, а также влияние возвращения в Канаду на нее и то, как оно может повлиять на детей, в контексте пункта b) статьи 13 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Автору не удастся продемонстрировать, что утверждения относительно рассмотрения судом материалов, касающихся ее слабого здоровья, приводят к конкретным и идентифицируемым нарушениям прав детей, закрепленных в Конвенции.

4.6 По мнению государства-участника, заявление автора о том, что решения судов высшей инстанции не содержали достаточно компетентной оценки семейного устройства и наилучших интересов детей, не подтверждается текстом решений, из которых ясно, что оба суда оценили дело в контексте, в частности, статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека), решений Европейского суда по правам человека по делам *Нойлингер и Шурук против Швейцарии*³ и *X против Латвии*⁴ и Конвенции о правах ребенка, а также провели соответствующий и нюансированный поиск баланса после всесторонних слушаний.

4.7 Что касается заявления автора о том, что судами высшей инстанции были допущены фактические ошибки, то государство-участник заявляет, что это утверждение лишено подробностей и, как представляется, основано на предположении о том, что автор не согласна с фактическими выводами, которые были сделаны против нее. Эти выводы были сделаны обоими судами после всесторонних слушаний и не являлись произвольными или необоснованными.

4.8 Государство-участник утверждает также, что заявления автора о том, что она с самого начала дала понять, что не вернется в Канаду с детьми, и что возвращение детей на попечение их отца нарушает их права по Конвенции о правах ребенка, не находят подтверждения в решениях судов высшей инстанции. В решении Высокого суда ясно сказано, что этот вопрос не оспаривался в Высоком суде, но была проведена оценка целесообразности возвращения детей отцом в Канаду. Конкретный вопрос о том, что

³ Application No. 41615/07, Judgment, 8 January 2009.

⁴ Application No. 27853/09, Judgment, 26 November 2013.

автор не собиралась возвращаться с детьми, был рассмотрен в решении Апелляционного суда под заголовком «Намерение заявителя не возвращаться».

4.9 Заявление автора о том, что отказ Апелляционного суда в отсрочке исполнения постановления о возвращении до подачи апелляции в Верховный суд нарушил права детей, закрепленные в Конвенции, не выдерживает критики, поскольку у автора было достаточно времени и имелись процедуры, чтобы обратиться в Верховный суд за разрешением на подачу апелляции, что открыло бы возможность для подачи ходатайства об отсрочке исполнения в этот суд.

4.10 Государство-участник утверждает, что заявление автора относительно ее предполагаемой финансовой неспособности заручиться юридической поддержкой в Канаде было рассмотрено в решениях судов высшей инстанции. Решение Высокого суда является исчерпывающим в своем анализе данной жалобы, и он рассмотрел ее в контексте как пункта b) статьи 13, так и статьи 20 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Жалоба автора на то, что в соответствии с Конвенцией о правах ребенка права детей были нарушены, поскольку ей не была предоставлена юридическая помощь для подачи апелляции в Апелляционный суд, не была подана в суды высшей инстанции, поэтому наличие такого нарушения не признается.

4.11 Государство-участник приходит к выводу о том, что автор не продемонстрировала, что предполагаемые действия или бездействие государства-участника ущемили права ее детей, изложенные в Конвенции. Не представила автор и доказательств того, что оценка судами государства-участника фактов и доказательств, представленных автором, была произвольной или иным образом равносильной отказу в правосудии.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 17 декабря 2019 года автор представила свои комментарии к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения. Автор утверждает, что отказ государства-участника выполнить просьбу временно не возвращать ее детей в Канаду поставил их и ее саму в очень уязвимое положение. Суды государства провели экстренное слушание; ее предупредили об этом менее чем за 24 часа, а ее детей приказали оставить в отдельно расположенном помещении. На этом слушании суд сообщил ей, что Организация Объединенных Наций «не имеет полномочий в их суде», и, пока она не представлена адвокатом, отклонил ее просьбы об: а) отсрочке возвращения до тех пор, пока государство-участник не представит какой-либо ответ; б) отсрочке возвращения на несколько дней, с тем чтобы она могла получить юридическую помощь; или, если все вышеперечисленное невозможно в) отсрочке исполнения постановления о возвращении на неделю, чтобы она могла составить планы поездки с детьми. Суд постановил немедленно передать детей отцу, не разрешив им даже попрощаться с ней и не объяснив, что происходит. Суд отказался вынести постановление о контактах на период, в течение которого она и дети будут разлучены.

5.2 В результате дети и автор подверглись психологическим и эмоциональным страданиям, и им был причинен пожизненный вред. Не было уделено внимания защите привязанности маленьких детей к лицу, осуществляющему основной уход. Давно известно, что внезапный насильственный разрыв этой связи может нанести маленьким детям значительную травму; государство-участник должно было бы знать об этом, если бы назначило независимого эксперта для защиты интересов детей.

5.3 Кроме того, на слушании, в ходе которого суд принял решение о немедленном возвращении детей, государство-участник предоставило адвокату отца детей копии материалов, представленных автором в Комитет. Автор считает, что этот обмен информацией был в лучшем случае неуместным, а в худшем — незаконным и послужил основой для дальнейших юридических нападков на нее со стороны группы юристов мужа в Канаде. Автор считает также, что, предприняв такие действия, государство-участник нарушило статью 4 Факультативного протокола. Автор

утверждает, что если бы в Ирландии ей была предоставлена юридическая помощь, то даже в случае принятия постановления о возвращении ей, вероятно, посоветовали бы не раскрывать свою историю болезни таким образом, как она это сделала, чтобы после возвращения в Канаду эта информация не была использована против нее.

5.4 Автор поясняет, что ее опасения оправдались, так как она и ее дети снова оказались в очень сложной ситуации, без юридической помощи и без какой-либо поддержки семьи.

5.5 Ирландские суды приняли обязательство отца детей сразу после возвращения автора в Канаду освободить семейный дом и передать ей детей. Она утверждала в ирландских судах, что его обещаниям о том, что он выполнит какое-либо из взятых им на себя обязательств, доверять нельзя. Ее доводы были отклонены на том основании, что в соответствии с Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей существует устоявшаяся история запроса и принятия обязательств, и нет причин думать, что в случае их невыполнения канадские суды не окажут необходимой помощи.

5.6 Автор поясняет, что отец детей пресекал все ее попытки связаться с детьми в период с 23 августа 2019 года до даты ее возвращения в Канаду. 3 сентября 2019 года, приехав в семейный дом, она обнаружила его пустым. Он уехал, забрав с собой детей и не оставив вообще никакой информации об их местонахождении.

5.7 6 сентября 2019 года автор предстала перед Верховным судом. Ее адвокат, оплаченный за счет «срочных отчаянных займов у родственников», утверждал, что отец детей уже нарушил обязательства, данные в ирландских судах. Хотя ей было разрешено остаться в семейном доме, судья распорядился немедленно уравнять время, проводимое детьми с обоими родителями. Когда 9 сентября 2019 года дети были возвращены под ее опеку, ее 4-летняя дочь продемонстрировала признаки серьезной эмоциональной травмы. Она начала облизывать автора, засовывать пальцы в рот и пытаться сосать грудь. Она также начала мочиться в постель каждую ночь, и эти признаки продолжают проявляться.

5.8 Автор поясняет, что ее жалоба не рассматривалась в рамках другой процедуры международного расследования. Она обращалась в Европейский суд по правам человека, но только за временным постановлением, прося приостановить возвращение детей до полноценного обращения в этот суд. Когда ее ходатайство о принятии временной меры было рассмотрено и отклонено, ей было предложено подать заявление в Европейский суд по правам человека, чего она не сделала.

5.9 Автор поясняет также, что после получения решения Апелляционного суда о том, что дети должны быть немедленно возвращены, она обратилась в суд с просьбой об отсрочке исполнения постановления, с тем чтобы подать апелляцию в Верховный суд. В отсрочке ей было отказано. Она обратилась в канцелярию Верховного суда за разъяснениями о том, как подать ходатайство о предоставлении разрешения на подачу апелляции в Верховный суд. Ей сообщили, что рассмотрение разрешения на подачу апелляции занимает не менее шести недель из-за большого количества нерассмотренных дел. Она снова обратилась за юридической помощью, но получила отказ. Именно по этой причине она утверждает, что исчерпала все внутренние средства правовой защиты, доступные ей как обывателю в условиях невозможности соблюдения сроков. Она утверждает, что обыватель, страдающий от слабого здоровья и не имеющий юридического представительства, не может рассчитывать на то, что у него хватит технических и эмоциональных ресурсов для подачи ходатайства о разрешении на подачу апелляции в Верховный суд.

5.10 Что касается аргумента государства-участника о том, что в ее деле не хватает подробностей, то автор поясняет, что она подавала в Комитет свое ходатайство о принятии временной меры в крайней спешке с целью получения достаточной информации для принятия временной меры. Она полагала, что впоследствии от нее потребуются представить Комитету дополнительные доказательства. Она заявляет, что ее детям не было предоставлено справедливое право голоса в ирландских судах из-за отказа в юридической помощи их матери и несправедливых процессуальных правил.

Дополнительные комментарии автора

6.1 В своих комментариях от 29 августа 2020 года, 19 марта 2021 года и 9 июня 2021 года автор отмечает, что отец ее детей предъявил ей судебный иск о возмещении расходов, понесенных в связи с разбирательством по Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (20 000 долл. США за расходы на поездку в Ирландию и возвращение детей в Канаду и 5 000 долл. США в качестве штрафа за невыполнение обязательств, взятых на себя под присягой в ирландских судах).

6.2 Автор отмечает также, что 9 июня 2021 года она была арестована полицией в Канаде в связи с разбирательством по Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Ей были предъявлены обвинения в похищении детей родителем или опекуном и неподчинении постановлению суда. Автор утверждает, что ее арест и предъявление обвинений являются нарушением постановлений Высокого суда Ирландии, тем самым подкрепляя ее аргументы в судах государства-участника в отношении отказа и неспособности государства-участника защищать наилучшие интересы детей.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

7.1 В своих замечаниях от 17 ноября 2021 года относительно существа сообщения государство-участник утверждает, что автор не смогла обосновать нарушение прав детей, закрепленных в Конвенции.

7.2 Что касается утверждений автора по статье 9 Конвенции, то государство-участник утверждает, что права, защищаемые этой статьей, распространяются на отношения детей с обоими родителями, а не только с матерью. Государство-участник утверждает, что не разлучало детей с автором; именно автор разлучила детей с их отцом посредством их незаконного вывоза, нелегальной перевозки и невозвращения в Канаду. Государство-участник утверждает, что решением его судов было возвращение детей, и автор могла свободно вернуться в Канаду вместе с ними.

7.3 Государство-участник отмечает также, что автор ссылается на нарушение статей 16 и 27 Конвенции без достаточного обоснования своих утверждений. Оно ссылается на тщательно выверенные решения Высокого суда и Апелляционного суда Ирландии, которые демонстрируют отсутствие произвола.

7.4 Государство-участник заявляет, что жалобы автора по статье 3 Конвенции, как представляется, подразумевают, что применение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей как таковое или применение ее ирландскими судами нарушает эту статью. По мнению государства-участника, применение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей в принципе полностью совместимо с применением Конвенции о правах ребенка, включая статью 3 последней. В конкретных обстоятельствах дела автора нельзя сделать вывод о том, что способ применения ирландскими судами Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей не соответствовал статье 3 Конвенции о правах ребенка.

7.5 Государство-участник поясняет, что в целях соблюдения наилучших интересов детей разбирательства по Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей в судах высшей инстанции Ирландии проводятся между родителями детей и в частном порядке. Государство-участник не имеет доступа к письменным свидетельским показаниям под присягой и вещественным доказательствам, поданным сторонами судебного процесса, и полагается только на сведения, содержащиеся в судебных решениях. Оно подчеркивает, что отец детей не является стороной сообщения в Комитет и, следовательно, информация, находящаяся в распоряжении Комитета, представляет собой лишь частичный срез фактической ситуации.

7.6 В противоположность доводам автора государство-участник утверждает, что Высокий суд должным образом учел состояние ее психического здоровья и провел тщательный анализ последствий для детей в случае возвращения в Канаду.

Оно ссылается на решение Высокого суда, в котором приводятся медицинские документы автора, касающиеся ее визитов к врачу общей практики и лекарств, которые она принимала. Высокий суд счел, что доказательства, представленные автором, не были достаточно убедительными для того, чтобы задействовать ее защиту в соответствии с Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Автор должна была представить убедительные доказательства того, что ее психическое здоровье настолько хрупко, что возвращение детей в Канаду было бы невыносимым, чего она не сделала.

7.7 Государство-участник отмечает, что, хотя оно не видело документов, ему представляется, что автор впоследствии попыталась представить в Апелляционный суд в качестве новых доказательств старые медицинские карты и документы от своего врача общей практики, которые, хотя и датируются временем после решения Высокого суда, содержат упоминания о ее прежних проблемах с психическим здоровьем. Апелляционный суд был вправе счесть, что эти доказательства могли быть представлены в Высоком суде. Апелляционный суд отметил заявление автора о том, что у нее было недостаточно времени для прохождения независимого психиатрического освидетельствования и что, по ее мнению, слушание и предшествующие ему события были стрессовыми и стремительными, а важнейшие медицинские доказательства не были соотнесены с ними, в результате чего порог серьезного риска, предусмотренный статьей 13 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, по мнению судьи первой инстанции, не был подкреплен доказательствами. Апелляционный суд рассмотрел аргументы, касающиеся психического здоровья автора, в нескольких других местах. В пункте 20 решения суд сослался на выдвинутый автором довод, касающийся «вероятного сильного эмоционального напряжения, которому подвергнется [заявитель] в ходе разбирательства в суде по семейным делам в отсутствие юридической помощи, и крайнего неравенства сторон, обусловленного доступом ответчика к частному юридическому представительству».

7.8 Государство-участник отмечает, что в ходе разбирательства в Высоком суде автор, как представляется, подала по крайней мере два документа с письменными свидетельскими показаниями под присягой, один из которых описан в пункте 30 судебного решения как содержащий «значительный объем вещественных доказательств». Ни в одном из документов с письменными свидетельскими показаниями под присягой, похоже, не было прямо указано, что она не вернется в Канаду из-за проблем с психическим здоровьем. Судья по всему, в Высоком суде не было выдвинуто никаких аргументов на этот счет. Вопрос о том, пыталась ли автор с самого начала заявить о своем нежелании возвращаться с детьми в случае вынесения постановления о возвращении, не имеет значения, учитывая тот факт, что он был поднят в Апелляционном суде. Если в Высоком суде она приводила аргумент о том, что ее проблемы с психическим здоровьем таковы, что они будут невыносимо влиять на детей в случае вынесения постановления о возвращении (а очевидно, что она приводила такой аргумент), примечательно, что она не подчеркнула в своих письменных свидетельских показаниях под присягой, что лично она не может вынести возвращения в Канаду с детьми из-за тех же проблем с психическим здоровьем. Похоже, что автор изменила акцент своей защиты между двумя судебными слушаниями и попыталась усилить свою защиту на основании проблем с психическим здоровьем, утверждая, что из-за них она не может вернуться в Канаду. Внимательное прочтение решения Апелляционного суда показывает, что точка зрения этого суда была именно такой.

7.9 Государство-участник подчеркивает высказанное Апелляционным судом мнение о том, что в ходе разбирательства в нем автор пыталась подогнать свою ситуацию под факты предыдущего дела, *М.Л. против Дж. К.* Однако, в отличие от фактов в указанном деле, автор не имела эпизода психического расстройства, потребовавшего госпитализации и стационарного лечения непосредственно перед неправомерной высылкой. Автор в течение длительного времени принимала лекарства в связи с определенными проблемами с психическим здоровьем, но само по себе это просто не соответствует порогу серьезности, который мог бы адекватно подкрепить защиту, построенную на наличии серьезного риска для детей в соответствии со

статьей 13 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей.

7.10 Государство-участник утверждает, что потенциальное невозвращение автора вместе с детьми было рассмотрено Высоким судом, который постановил, что оно не будет иметь ненадлежащих последствий для детей. В решении Апелляционного суда вопрос о невозвращении матери был прямо рассмотрен в контексте аргумента о ее психическом здоровье. Кроме того, государство-участник считает, что автор не раскрыла Комитету точный характер своих проблем с психическим здоровьем. В любом случае автор не продемонстрировала Комитету, что доказательства, которые не были приобщены к делу, были недоступны ей, когда она подавала иск в Высокий суд.

7.11 Что касается утверждения автора о том, что государство-участник не провело достаточно компетентной оценки семейного устройства и наилучших интересов детей, то государство-участник заявляет, что решения ирландских судов и оценки наилучших интересов детей были вписаны в рамки Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Суть упрощенной процедуры возвращения, предусмотренной этой Конвенцией, не может быть сохранена, если во всех случаях похищения детей будет проводиться подробная оценка долгосрочных наилучших интересов, которая обычно проводится в государстве постоянного проживания детей. Подробная оценка долгосрочных наилучших интересов занимает много времени и во многих случаях требует доступа к медицинским, образовательным и другим документам, а также к свидетелям, однако все это находится в государстве проживания.

7.12 Государство-участник утверждает, что оценка его судами семейного устройства детей была подробной, чуткой, тщательной, взвешенной, всесторонней и, безусловно, «достаточно компетентной». Пункты 75–77 решения Высокого суда гласят следующее в отношении возможности того, что дети будут находиться на попечении отца после их возвращения: «Касательно вопроса о неспособности заявителя заботиться о детях я также убедился в том, что представленные суду доказательства не свидетельствуют о серьезной опасности того, что дети будут поставлены в невыносимую ситуацию после возвращения в результате оспариваемой непригодности заявителя. [...] Более того, по моему мнению, все эти вопросы могут и должны быть решены в судах Канады. Суд осознает, что прецедентное право [Европейского суда по правам человека] требует, чтобы суд учитывал наилучшие интересы ребенка».

7.13 Государство-участник отрицает, что тот факт, что в отношении жалобы автора не была предоставлена юридическая помощь, касается статьи 3 Конвенции; и даже если это так, то статья 3 в результате не нарушается. Система юридической помощи в любой стране должна эффективно использовать свои ресурсы. Автору была оказана юридическая помощь для защиты в Высоком суде в ходе разбирательства в соответствии с Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, однако в юридической помощи для подачи апелляции в Апелляционный суд ей было отказано. Комитет может заметить, что Совет по правовой помощи провел работу по оценке вероятности успеха в отношении продолжения судебного процесса и подачи апелляции. Утверждается, что наличие такой системы вполне обосновано не только потому, что она позволяет справедливо распределять ресурсы юридической помощи между многочисленными требованиями граждан и налогоплательщиков, но и потому, что такая система гарантирует, что в апелляционные суды не будут подаваться ненужные или необоснованные апелляции.

7.14 Государство-участник заявляет, что Апелляционный суд рассмотрел утверждение автора об отсутствии юридической помощи в Канаде в контексте защиты, построенной на наличии серьезного риска по статье 13 и статье 20 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Пункт 86 решения Апелляционного суда гласит: «Совокупность докладов органов по правам человека [...], приведенных заявителем в поддержку своих требований [...], не соответствует порогу, установленному судебной практикой [...]. [Д]олжным образом рассмотрев указанные материалы, на которые ссылается и которые упоминает заявитель в своем письменном представлении, и должным образом учтя содержание

таких материалов в той мере, в какой они актуальны, я убедился в том, что в своей совокупности эти материалы не позволяют установить обоснованную защиту в соответствии с пунктом b) статьи 13 или статьей 20 Гаагской конвенции». Как становится ясно из решения Апелляционного суда, одного лишь заявления о том, что юридическая помощь может быть недоступна, недостаточно для предотвращения возвращения в соответствии с Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Ответчик должен продемонстрировать, исходя из принципа «большой вероятности», что суды другого государства будут неспособны защитить права ребенка из-за отсутствия юридической помощи.

7.15 Что касается мнения детей, то государство-участник замечает, что автор не ходатайствовала о каком-либо отдельном представительстве для своих детей и выдвигала свои аргументы исключительно на том основании, что их права полностью совпадают с ее интересами. Оно замечает также, что отец детей, по-видимому, придерживался мнения, что отдельное юридическое представительство для этих маленьких детей не является необходимым. При применении Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей в Ирландии суды обычно выясняют мнение детей в возрасте от 6 лет. Если дети младше, то мнения выясняются, когда до сведения суда доводится конкретный вопрос, и выяснение мнения более младшего ребенка будет уместным. В данном деле автор не утверждала, что дети могли сформировать свои собственные взгляды.

7.16 Что касается истории болезни автора, то государство-участник поясняет, что стандартной практикой при завершении разбирательства по Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей в ирландских судах является передача документов в суды запрашивающего государства и адвокатам сторон в этом государстве. Поэтому та информация относительно психического здоровья автора, которая была представлена ею в ирландских судах, была передана сторонам для любого будущего судебного разбирательства в Канаде и ни для каких других целей.

7.17 Что касается довода автора, связанного с вопросом о предполагаемом невыполнении отцом детей обязательств, данных им ирландскому суду, то государство-участник замечает, что неясно, почему автор утверждает, что этот вопрос приводит к какому-либо предполагаемому нарушению Конвенции.

Материалы, представленные третьей стороной

8.1 1 декабря 2021 года Ирландский центр — Ирландия представил мнение третьей стороны. Он напоминает, что в основе процедуры, предусмотренной Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, лежит оперативность, с тем чтобы избежать любых негативных последствий повторного отрыва детей от привычной обстановки. В рамках разбирательства по данной Конвенции оценка и определение наилучших интересов должны соответствовать специфике статьи 13 Конвенции. Оно не требует проведения полной оценки и определения наилучших интересов, как это подробно изложено в замечании общего порядка № 14 (2014) Комитета, поскольку полная оценка и определение остаются обязанностью национальных судов в юрисдикции, из которой ребенок был похищен⁵.

8.2 Третья сторона отмечает также, что дети, которые непосредственно являются предметом разбирательства по Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, очень часто даже не привлекаются к участию в этих разбирательствах в качестве одной из сторон, а тем более не бывают представлены. Родители, которые добиваются возврата или оспаривают его, могут не быть подходящими людьми для оценки, определения или представления наилучших интересов детей либо изложения их взглядов или точки зрения, которые могут не совпадать с их собственными. Поэтому для решения этой задачи потребуется человек, независимый от родителей⁶.

⁵ См. European Court of Human Rights, *Neulinger and Shuruk v. Switzerland and X v. Latvia*.

⁶ В Нидерландах в настоящее время существует практика назначения «опекуна ad litem» во всех делах по Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей,

8.3 Третья сторона вновь подчеркивает, что в соответствии с пунктом b) статьи 13 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей определяющим является риск причинения физического или психологического вреда ребенку или невыносимая ситуация для ребенка, а не риск причинения вреда или невыносимая ситуация для похищающего родителя. Когда похищающий родитель утверждает, что влияние возвращения на его/ее личную ситуацию окажет серьезное косвенное неблагоприятное воздействие на ребенка, еще более важно, чтобы было назначено лицо, независимое от родителя, оспаривающего возвращение и представляющего эти утверждения. Тогда судья сможет оценить наилучшие интересы детей и их взгляды или точки зрения, основываясь на независимой информации, а не только через призму опасений похищающего родителя по поводу собственного благополучия. В деле *A и B против Хорватии*⁷ Европейский суд по правам человека потребовал независимого юридического представительства для ребенка, чтобы его интересы, желания и чувства были представлены отдельно от интересов, желаний и чувств его матери. В публикации «Конвенция о похищении детей 1980 года: Руководство по передовой практике» говорится, что тяжелое финансовое положение похищающего родителя не является основанием для вынесения постановления о невозвращении; прецедентное право из различных юрисдикций приводится ниже⁸.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно существа сообщения и к материалам, представленным третьей стороной

9.1 28 февраля 2022 года автор представила свои комментарии к замечаниям государства-участника по существу сообщения. Она утверждает, что все еще находится в процессе развода с отцом детей, а также разбирается с канадскими судами в связи с обвинением в преступном похищении, которое ей предъявлено, несмотря на обязательства, данные в ирландских судах.

9.2 Что касается материалов, представленных третьей стороной, то автор согласна с тем, что «интересы детей» превыше всего. Ирландские суды даже не рассматривали вопрос о назначении лица для защиты наилучших интересов детей: они просто рассматривались как имущество, которое должно быть возвращено в страну происхождения путем быстрого и простого толкования Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Она утверждает, что ее старшая дочь была в том возрасте, когда ее мог выслушать компетентный детский психолог.

Комментарии государства-участника к материалам, представленным третьей стороной

10. 28 февраля 2022 года государство-участник представило свои комментарии к материалам, представленным третьей стороной, отметив лишь, что намерение третьей стороны заключалось в предоставлении актуальной информации относительно толкования и судебной практики Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, а не в отстаивании каких-либо конкретных результатов.

касающихся детей в возрасте от 3 лет. Этот опекун *ad litem* — как правило, (детский) психолог и/или зарегистрированный посредник — представляет ребенка во время последующей процедуры (первая инстанция и апелляция), выражая мнение ребенка и оценивая его зрелость и степень, в которой ребенок чувствует себя свободным для самовыражения. Такая же практика используется в Германии, где в рамках разбирательств по Конвенции регулярно назначается «*Verfahrensbeistand*» (опекун *ad litem*). (Hague Conference on Private International Law, *1980 Child Abduction Convention: Guide to Best Practice*, part VI, article 13 (1) (b) (The Hague, 2020), p. 57.)

⁷ Application No. 7144/15, Judgment, 20 June 2019 (not a case under the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction).

⁸ Hague Conference on Private International Law, *1980 Child Abduction Convention: Guide to Best Practice*, part VI, article 13 (1) (b), para 60. См. the Hague Conference on Private International Law Case Law Database, URL: www.incadat.com.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

11.1 В соответствии с правилом 20 своих правил процедуры прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

11.2 Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что этот же вопрос был рассмотрен в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования и что по этой причине сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии с пунктом d) статьи 7 Факультативного протокола. Комитет замечает, что до представления своего сообщения в Комитет 6 августа 2019 года автор подала в Европейский суд по правам человека ходатайство о принятии временных мер по тому же вопросу, однако 16 августа 2019 года оно было отклонено. Комитет отмечает неоспоренный аргумент автора о том, что она обратилась в Европейский суд по правам человека только за временными мерами и не осуществляла полноценного обращения в этот суд. Таким образом, Комитет считает, что суд не рассматривал тот же вопрос по смыслу пункта d) статьи 7 Факультативного протокола и, следовательно, ничто не препятствует рассмотреть настоящее сообщение на основании этого положения⁹.

11.3 Комитет принимает также к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом e) статьи 7 Факультативного протокола в связи с исчерпанием внутренних средств правовой защиты, поскольку автор не обращалась в Верховный суд с просьбой о разрешении на подачу апелляции. Комитет отмечает далее, что апелляция автора на решение Высокого суда, предписывающее вернуть детей в Канаду, была отклонена 30 июля 2019 года и что Апелляционный суд также отказал в отсрочке исполнения постановления для подачи апелляции в Верховный суд. Комитет отмечает пояснение автора о том, что она не обращалась за разрешением на подачу апелляции в Верховный суд, поскольку не была представлена адвокатом и не имела разумной возможности подать апелляцию с учетом состояния ее психического здоровья и ограниченного времени между уведомлением об отказе в предоставлении юридической помощи 2 августа 2019 года и датой, назначенной Апелляционным судом для возвращения детей в Канаду, — 21 августа 2019 года. Тем не менее Комитет считает, что 19-дневный срок для подачи апелляции в Верховный суд сам по себе не является достаточной причиной для отмены требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты и что в деле нет никакой информации, которая позволила бы предположить, что состояние психического здоровья автора было такого характера, какой оправдал бы отказ от подачи такой апелляции. Комитет считает также, что автор не смогла обосновать с учетом конкретных обстоятельств своего дела, что ее финансовое положение и отсутствие доступа к юридической помощи были препятствием для подачи апелляции в Верховный суд. В этой связи Комитет полагает, что обычно финансовые соображения без достаточных оснований не освобождают авторов от необходимости исчерпания внутренних средств правовой защиты¹⁰. В этой связи Комитет замечает, что в тот же период автор смогла подать запрос о временных мерах в Европейский суд по правам человека и настоящую жалобу в Комитет.

11.4 Комитет напоминает, что авторы должны использовать все судебные или административные средства, которые могут открыть перед ними разумные перспективы возмещения ущерба. Комитет считает, что внутренние средства правовой защиты не должны исчерпываться, если они объективно не обеспечивают перспективы на успех, например в случаях, когда, согласно применимому внутреннему законодательству, жалоба неизбежно будет отклонена или если установленная судебная практика высших национальных судебных инстанций исключает положительный результат. Тем не менее Комитет напоминает, что одни лишь

⁹ *А.Б. против Финляндии* (CRC/C/86/D/51/2018), п. 11.2, и *Е.Дж. и М.Дж. против Финляндии* (CRC/C/81/D/6/2016), п. 9.2.

¹⁰ *Кадирич и Кадирич против Боснии и Герцеговины* (CCPR/C/115/D/2048/2011), п. 8.3.

сомнения или предположения в отношении успеха или эффективности средств правовой защиты не освобождают авторов от обязанности их исчерпания¹¹.

11.5 В данном случае Комитет отмечает не опровергнутый автором аргумент государства-участника о том, что если бы Верховный суд дал разрешение на подачу апелляции, то автор могла бы подать ходатайство об отсрочке исполнения постановления о возвращении, которое, по всей вероятности, было бы удовлетворено, учитывая практику Верховного суда в таких случаях.

11.6 Комитет отмечает также пояснение автора о том, что она не подавала ходатайство о разрешении на подачу апелляции в Верховный суд, поскольку в канцелярии Верховного суда ей сообщили, что рассмотрение таких ходатайств обычно занимает несколько недель. Тем не менее Комитет отмечает далее утверждение государства-участника о том, что Верховный суд вынес бы решение до даты возвращения. В отсутствие дополнительного обоснования автором причин, по которым она не попыталась воспользоваться этими средствами правовой защиты, Комитет считает, что автор не исчерпала все внутренние средства правовой защиты, которые были в разумной степени эффективны и доступны ей для оспаривания предполагаемого нарушения прав ее дочерей в соответствии с Конвенцией.

12. Комитет делает вывод о том, что сообщение является неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола.

13. Соответственно, Комитет постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым на основании пункта е) статьи 7 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение автору сообщения и, для информации, государству-участнику.

¹¹ *Д.К. против Германии* (CRC/C/83/D/60/2018), п. 6.5, и *Сакки и др. против Аргентины* (CRC/C/88/D/104/2019), п. 10.17.

Приложение

[Подлинный текст на французском языке]

Совместное (несогласное) мнение Хинд Аюби Идрисси, Луиса Эрнесто Педернеры Рейны и Хосе Анхеля Родригеса Рейеса

1. Настоящее мнение охватывает вопросы, касающиеся:
 - a) отказа в принятии временных мер, запрошенных в соответствии со статьей 6 Факультативного протокола Рабочей группой по сообщениям, действующей от имени Комитета, которая обратилась к государству-участнику с просьбой отложить возвращение У. У. и С. У. в Канаду на время рассмотрения их дела;
 - b) неприемлемости сообщения в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола.
2. Что касается непринятия временных мер, то 4 сентября 2019 года государство-участник указало, что оно добросовестно и внимательно рассмотрело просьбу Комитета о принятии временных мер, но не смогло удовлетворить ее, поскольку она противоречила разбирательству по Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей.
3. В этой связи следует напомнить, что просьба о принятии временных мер подается с целью предотвращения причинения непоправимого вреда. Аналогичным образом, государство-участник не может уклоняться от соблюдения своих обязательств по пункту 1 статьи 6 Факультативного протокола, ссылаясь на возможное противоречие с его внутренним законодательством или договором международного характера.
4. В данном случае непринятие временных мер, запрошенных Комитетом с тем, чтобы отложить возвращение У. У. и С. У. в Канаду на время рассмотрения сообщения, а также разлучение с матерью в кратчайшие сроки и без предоставления ей возможности контакта с детьми до их передачи отцу, вероятно, повлекли за собой причинение вреда большей или меньшей степени серьезности. По словам автора, когда дети были возвращены ей 9 сентября 2019 года, ее 4-летняя дочь продемонстрировала признаки тяжелой эмоциональной травмы. Она начала облизывать автора, засовывать пальцы в рот и пытаться сосать грудь. Она также начала мочиться в постель каждую ночь, и эти признаки продолжают проявляться.
5. Таким образом, мы считаем, что государством-участником было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Факультативного протокола.
6. Что касается неприемлемости сообщения в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, то в соответствии с пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола необходимо подчеркнуть, что исчерпание внутренних средств правовой защиты предполагает наличие эффективных средств правовой защиты. Эффективность средств правовой защиты означает не только наличие таковых, но и доступ к этим средствам, что накладывает на государства-участники позитивные обязательства.
7. В рамках эффективности средств правовой защиты должны учитываться личные обстоятельства автора, а также позитивное обязательство государства-участника, предусмотренное в виде общепризнанной гарантии доступа к представительству и юридической помощи, если это необходимо.
8. В решении по делу *Эйри против Ирландии* от 9 октября 1979 года Европейский суд по правам человека постановил, что отсутствие в договоре прямого положения о юридической помощи по гражданским делам не препятствует пункту 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) налагать на государство позитивное обязательство по обеспечению

реального доступа к судам с помощью такого эффективного средства, как бесплатная юридическая помощь¹.

9. Это позитивное обязательство гарантировать право на эффективные средства правовой защиты, в том числе посредством юридической помощи, закреплено договорными органами, в том числе в общей рекомендации № 33 (2015) Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, касающейся доступа женщин к правосудию, в которой к государствам-участникам обращен призыв предоставлять бесплатно или за низкую плату юридическую помощь, консультативные услуги и услуги по защите интересов в судебных и квазисудебных разбирательствах во всех областях права, что является важнейшим элементом в обеспечении гарантий экономической доступности систем правосудия для всех женщин, путем разработки и внедрения доступных, устойчивых и ориентированных на потребности женщин систем предоставления юридической помощи и государственной защиты и обеспечения действенного оказания указанных услуг на оперативной и непрерывной основе на всех этапах судебных или квазисудебных процессов, включая альтернативные механизмы разрешения споров и процессы реституционного правосудия, и беспрепятственного доступа служб юридической помощи и государственной защиты ко всей соответствующей документации и другой информации, включая показания свидетелей².

10. В данном случае автор объясняет, что она не обратилась в Верховный суд за разрешением на подачу апелляции, поскольку ей сообщили, что обычно рассмотрение заявлений занимает не менее шести недель и что она не имеет права на получение юридической помощи. Таким образом, автор не получила эффективных средств правовой защиты, так что пункт е) статьи 7 Факультативного протокола не является препятствием для признания настоящего сообщения приемлемым.

¹ См. Cour européenne des droits de l'homme, *Airey c. Irlande*, requête no 6289/73, arrêt, 9 octobre 1979.

² Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, общая рекомендация № 33 (2015), пп. 36 и 37 а).